

Надежда
ВАСИЛЬЕВА
г. Петрозаводск

ЖУ-ЗИ

(Сказка о жизни пчелиной семьи)

1

Пчёлка Жу-Си сидела на распустившемся одуванчике и ложечкой длинного хоботка старательно слизывала с цветка сладковатую жидкость. Нектар поднимался по тонким волосинкам хоботка вверх, как влага по шерстяной нитке. Зобик Жу-Си медленно заполнялся ароматным содержимым. Она трудилась так усердно, что не заметила, как ее приятель, сын пасечника, осторожно сорвал цветок, на котором она сидела, и поднес его к самому лицу. Голубые глаза мальчика были под цвет безоблачного неба, и длинные ресницы хлопали от восторга часто-часто. Как она могла его не заметить? Ведь нарочно не улетала далеко, ждала, когда мелькнёт за оградой пасеки его жёлтая куртка. Да вот увлеклась...

Жу-Си внимательно посмотрела на друга тремя расположенными на темечке глазами. Ими она хорошо видела вблизи. Для того чтобы смот-

реть вдаль, у нее была еще одна пара глаз, которыми она определяла форму и окраску предметов. Кстати, люди тоже надевают вторые глаза, когда хотят рассмотреть что-то вблизи. По крайней мере, у пасечника они были, а вот у мальчика вместо вторых глаз имелась большая лупа, через которую он рассматривал все, на что падал его любознательный взгляд: и пчел, и жучков, и траву, и листья на кустах смородины. Уходя с пасеки, он бережно прятал лупу во внутренний карман куртки. Руки и губы мальчика всегда пахли чем-то сладким и вкусным. Из жилища хозяина часто тянуло дразнящими ароматами. Сторожевые пчелы рассказывали, что кое-кто из молодняка как-то пытался залететь в дом пасечника, но его жена совсем не обрадовалась незваным гостям и прогнала их берёзовым веником. Жу-Си много раз издали видела хозяйку. Нахмуренные брови, колкий взгляд чёрных глаз, вечно недовольный и какой-то крикливый голос — всё это никак не внушало доверия. И у

Жу-Зи не было никакого желания приближаться к этой особе.

В первый раз Жу-Зи встретила мальчика в начале мая. Он сидел на корточках под раскидистым кустом черной смородины, обхватив руками худенькие коленки. Малыш чем-то походил на огромного кузнечика. Он внимательно наблюдал за пчелиной суетой возле летков. Ульев на пасеке было больше десятка. Пчелы теснились на прилетной доске, нетерпеливо подталкивая друг друга. Торопились скорее освободить свои зобики от принесенного нектара и разгрузить задние ножки от липкой пыльцы. Близко к ульям малыш не подходил, хоть сторожевые пчелы, привыкшие к нему, уже давно не реагировали на его присутствие. Им хватало забот с трутнями, которых вывелось в этот сезон чрезмерно много.

О трутнях разговор особый. Толстые и неуклюжие, они изрядно мешали рабочим пчелам, загораживая выход к летку. Честно признаться, пчелы недолюбливали ленивых и толстых самцов, и все же их приходилось терпеть. Без трутней невозможно было бы восстановить жизнь пчелиной семьи, если случайно погибнет матка. Но иногда терпению приходил конец, и пчелы изгоняли часть трутней из улья, не желая тратить на них драгоценный корм. И, надо сказать, зрелище это было не из приятных. По три-четыре пчелы разом накидывались на бедного трутня и тащили его, упирающегося, на край прилетной доски, чтобы без всякого сожаления столкнуть в траву. Признаться, Жу-Зи никогда не участвовала в этом. Она предпочитала держаться подальше от всяких ссор. И даже когда на её долю выпадало охранять улей, не торопилась выпускать жало в приближающегося к пасеке незваного гостя, а долго летала вокруг, тревожным жужжанием давая понять, что нарушение незримых границ их пчелиного мира небезопасно.

В день первого знакомства с мальчиком Жу-Зи возвращалась издалека. Ведь она уже была не просто рабочей пчелой, а пчелой-разведчицей. Ей пришлось пролететь много километров, прежде чем она отыскала нетронутое поле одуванчиков. Жу-Зи посетила в этот день более пятисот цветков и очень устала. А ей еще предстояло танцевать на сотах, зазывая рабочих пчел следовать за ней. Без этого было не обойтись. Кто бы услышал ее тонкое жужжанье в многочисленном гуле таких же, как она, пчёл? Танец на сотах

был одним из ритуалов, способных привлечь к себе внимание. Однако танцевать на сотах с переполненным брюшком — задача не из легких, вот потому и присела она на рукав одежды мальчика немного передохнуть и набраться сил.

Мальчик был в желтой куртке, под цвет одуванчиков, такой же желтой кепке с козырьком и в черных штанишках. Улыбаясь, он спокойно смотрел на Жу-Зи и вдруг тихо произнес:

— Привет! Ты откуда взялась?! — Но у Жу-Зи не было сил прожужжать хоть что-нибудь в ответ. Она с трудом перебирала лапками, пачкая руку мальчика липкой оранжевой пыльцой. Тут малыш достал лупу и стал внимательно разглядывать ее через увеличительное стекло. От волнения Жу-Зи принялась быстро вибрировать крыльшками, но не улетела, а закрутилась на месте. Ей так хотелось понравиться этому человеческому детёнышу. Она показала ему и щетку для чистки глаз, и сложный аппарат для чистки усиков, и острую шпору для сбрасывания комков пыльцы с голени задних ножек.

— Полюбуйся, какие мы чистюли! — тихонько жужжала она себе под нос. — Взгляни на задние ножки, в которых мы носим липкую пыльцу. Кому из людей удалось бы так аккуратно скатать ее в шарики? А у нас, пчёл, все продумано до мелочей.

Мальчик, казалось, понимал её и с неподдельным интересом разглядывал пчелиное тельце. Жу-Зи до того расхвасталась, что самой стыдно стало. Смутившись, она засобиравалась улетать. И тут услышала, как он прошептал ей вслед:

— Прилетай еще! Я буду звать тебя Жу-Зи. Давай дружить! У меня совсем нет друзей. Папа говорит, что их будет много, когда я пойду в школу. Но это будет только через год.

Жу-Зи не возражала. Признаться, друзей в улье у нее не было. Все пчелы трудились с утра до ночи. На общение выпадали только редкие минуты ожиданий на прилетной доске. Попав в улей, случайные собеседницы теряли друг друга из виду и редко когда встречались снова. Ведь в каждой пчелиной семье несколько десятков тысяч пчёл. Соседи тоже менялись почти каждый день. Забот и хлопот у пчел хоть отбавляй. Но кому не хочется иметь друга?! И потому почти каждый день, возвращаясь с нектаром, Жу-Зи садилась отдохнуть на дружески протянутую к ней ладонь. Жу-Зи так привыкла к мальчику, что теперь, сто-

ило ей пересечь границы пасеки, она невольно искала глазами его жёлтую куртку.

Жу-Зи рассказывала новому другу обо всём, что творилось в улье. Он слушал её молча, глаза его улыбались. Иногда она даже позволяла себе садиться на верхнюю губу мальчика. Легонько щекотала крылышками под самым носом. Знала, он не испугается, не станет отмахиваться, не придавит, не стряхнет на землю, хоть пчелиный укус в губу мог оказаться для него смертельным. Но знали ли об этом человеческий детеныш? Вряд ли. Скорее всего, даже не задумывался, как не держала в мыслях ничего плохого и сама Жу-Зи.

— Ты меня не бойся, ладно? — тихонько жужжала она ему. — Мне так хочется поиграть с тобой.

— Я не боюсь! Папа говорил, что пчелы жалят только в безвыходных ситуациях. Ведь впившееся в кожу жало вынуть из ранки невозможно. А кому хочется погибать? Я видел, как однажды пчела ужалила соседского щенка. Он, глупенький, хотел с ней поиграть и нечаянно придавил лапкой. Тонкие иголки жала, с зубринками на концах, пчеле никак было не вырвать из его кожи. Я чуть не плакал. Так было жаль и пчелу, и щенка.

Мальчик помолчал, а потом лукаво взглянул на неё.

— Ты бы сейчас если и захотела, то не смогла ужалить меня! Ведь летишь со взятком...

Жу-Зи хихикнула, игриво покачала крылышками. До чего смекалистый! Жало у них, пчёл, действительно скрыто в брюшке и выталкивается при его сильном сжатии. А как сожмешь брюшко, если оно переполнено нектаром? И озадачила малыша встречным вопросом:

— Скажи, как ты узнаёшь меня среди тысяч моих сородичей? Ведь все мы так похожи друг на друга.

Пухлые губы мальчика расплылись в улыбке.

— Да, вы действительно все очень похожи. Но осмеливаешься сесть мне на ладошку только ты! Кстати, моё имя тоже начинается на букву «Ж».

— Знаю! Знаю! — радостно жужжала Жу-Зи. — Тебя зовут Же-Ня! Так зовёт тебя твой отец, пасечник, а иногда и твоя мать, с крыльца дома. Ты сразу мчишься на её зов, прервав беседу. Это даже обижает. Иногда ведь я рассказываю тебе очень важные вещи...

Улыбка тотчас слетела с губ мальчика, как от

внезапного порыва ветра слетают с одуванчика белые зонтики созревших семян.

— Это не мама, — печально произнёс он. — Это папина жена. А маму я не помню. Может быть, у меня её вовсе не было.

— Так не бывает! — не согласилась Жу-Зи. — Матка — у вас, людей, это мать — есть у всех. И у нас, пчёл, тоже. Без матки плохо. Нашу матку, ну, маму, как ты называешь, зовут Жу-Жу.

— И она любит вас всех одинаково? — почему-то поинтересовался мальчик.

— Конечно! Знаешь, сколько интересного она нам рассказывает! Откуда бы мы столько знали о цветах-медоносах?!

— А мне о них рассказывал мой папа! — Лицо мальчика вспыхнуло от прилива гордости. Ему явно хотелось поделиться с ней своими познаниями. Она внимательно слушала.

— Раньше всех, когда луга еще покрыты снегом, зацветают коричневые серёжки ольхи. Потом появляются пушистые шарики на серебристой иве. Затем наступает пора одуванчиков, которые поворачивают свои золотистые головки вслед за солнышком. А в середине июня луг покрывается белым, как снег, купырем. За ним зацветает малина, за ней, кажется, иван-чай. Папа говорил, что июль — самый богатый месяц! Трав в это время цветёт столько — на любой цвет, запах и вкус! С каких цветков ты будешь собирать нектар в июле?

Жу-Зи растерялась. Вспомнились слова Жу-Жу о том, что увидеть все расцветки июльского луга ни Жу-Зи, ни другим весенним пчелам не доведется, потому что живут весенние пчелы недолго. Тогда Жу-Зи не придавала значения этим словам. Кому хочется омрачить свое настроение в погожий солнечный день?! Но вопрос мальчика заставил задуматься.

— В июле меня уже не будет, — печально произнесла она.

— А где ты будешь? — не понял он.

В его весёлых глазах отражалось и солнце, и небо, и зелёные кусты смородины. Так не хотелось омрачить его настроение! Жу-Зи стала щекотать его ладонь. Он засмеялся и стал говорить ей такие ласковые слова, от которых крылышки Жу-Зи начали блаженно подрагивать. Но откуда ни возьмись появилась сторожевая пчела За-За и сердито заворчала, кружась над самой головой мальчика:

— Сколько можно болтать в такой тёплый день! Таких лентяек, как ты, Жу-Зи, надо ещё поискать! Если ты сейчас же не улетишь на поиск мёда, я ужалю человеческого детёныша в щёку.

Кто знает эту ворчунью? Вдруг и правда из-за неё ужалит её друга?

Помахав мальчику крылышками, Жу-Зи улетела на поиск цветов-медоносов.

2

— **И** почему эта За-За такая злая? — на другой день спросил у Жу-Зи Же-Ня.

— Она не злая, а ответственная, — вздохнув, сказала Жу-Зи. — Могла и ужалить без предупреждения, имела на это полное право, но ведь не сделала этого, правда?

В общем-то, заботу сторожевой пчелы понять было можно. Лето в северных краях недолгое, солнечных дней мало. А им, пчёлкам, чтобы собрать ложку мёда, нужно обработать миллион цветков. И мёдом нужно поделиться с пасечником, который заботится о них круглый год. Но говорить об этом Же-Не было как-то неудобно. Ведь пасечник был его отцом. Догадаться об этом было нетрудно. Глаза у них были похожи — как две незабудки.

Пасечника пчёлы обожали. Но он, наверное, не догадывался об этом и всякий раз, открывая ульи, закрывал лицо прозрачной сеткой. Пасечник подходил к ульям только в белых одеждах. От него никогда не пахло потом. Запах человеческого пота раздражал пчел больше всего. А еще, открывая улей, он редко когда пользовался дымарем, хоть всегда на всякий случай и ставил его у ног на землю.

Словно угадав её мысли, мальчик поинтересовался:

— А почему вы так боитесь дыма?

Запах дыма действительно вызывал в улье настоящий переполох. Все пчёлы без исключения панически боялись огня.

— Ещё спрашиваешь? Кому хочется сгореть заживо?!

— Откуда ты знаешь про огонь? Ты ведь его никогда не видела.

Жу-Зи покачала головой.

— Сама не видела, но Жу-Жу много рассказывала нам о лесных пожарах.

Жуткие картины всплыли в памяти Жу-Зи так отчётливо, что её крылышки снова начали дрожать. Живо представился шальной огонь, бегущий по верхушкам деревьев вровень с ветром. Вот удушливый дым валит с ног быстрых оленей. В красных языках пламени бесследно исчезают птицы. Что уж там говорить о насекомых! Жу-Жу рассказывала обо всём этом так образно и убедительно, что молодые пчёлки при запахе дыма сразу набрасывались на соты с мёдом, набивали им брюшко, запасаясь впрок кормом на дальнюю дорогу, если вдруг придется спастись от пожара.

И снова вопрос мальчика поставил Жу-Зи в тупик.

— Откуда Жу-Жу всё это знает? Ведь она редко когда вылетает из улья.

Жу-Зи пожалала крылышками.

— Не могу сказать. Но мы ей верим. Она очень мудрая, ведь живёт в улье не один год.

— А я видел её! Видел! Не веришь? Мне папа показывал! Он ещё тогда пометил её спинку чем-то красным, чтобы как-то выделять среди сгрудившихся на сотах пчел. Ведь она почти ничем от вас не отличается.

— Как это не отличается? — обиделась за матку Жу-Зи. — Брюшко у неё намного больше, чем у нас, ведь она откладывает яйца для выведения нового потомства. Мы все её очень бережём. Без матери не будет семьи! Знаешь, какие у нас строение порядки?!

— Как это?! — удивился малыш, и брови его подпрыгнули к самому козырьку кепки.

Вот чудак! Неужели непонятно? И всё же стала рассказывать:

— Нам без дисциплины никак нельзя. Ты видел, сколько нас в семье?! Каждая пчела с момента рождения до первого вылета из улья должна научиться многому. Первым делом, конечно, она занимается чисткой улья и ремонтом ячеек, из которой вывелась. Только потом ей доверяют кормить личинки маточным молочком, затем — строить соты. Самое трудное, как считают почти все пчёлы, это вентилировать улей, поддерживая в нем постоянную температуру. Попробовал бы кто-нибудь так быстро и так часто вибрировать крылышками! Мне лично больше всего не нравилось быть сторожем. Но куда денешься?! Без этого не разрешат вылетать на разведку. А все пчёлы ждут не дождутся этого дня!

Жу-Зи хорошо помнила свой самый первый вылет из улья. Поднявшись в воздух, она долго летала возле передней стенки домика, тщательно запоминая его форму, цвет, расположение летка и самого улья относительно других предметов, чтобы безошибочно возвратиться обратно. Жу-Зи никогда не сбивалась с пути, сколько бы миль ей ни приходилось преодолевать. И даже когда ее сносило с курса сильным порывом ветра, она быстро находила верный маршрут. Как это происходило, Жу-Зи вряд ли могла бы объяснить. Это заложено в каждую пчелу вместе с маточным молочком.

— А ты когда-нибудь попадала под дождь? — спросил Же-Ня.

— Случалось! Но лучше не вспоминать об этом! — содрогнулась Жу-Зи. — Жуткое дело! Мокрые крылышки становятся такими тяжелыми, что не могут держать в воздухе, приходится опускаться на траву и ждать, когда они обсохнут. Однажды даже мне пришлось ночевать под листом. В общем-то, там было не так уж и плохо. Сухо и даже тепло. Правда, совсем неожиданно из земли появился сосед — толстый дождевой червяк. Особой опасности он не представлял. Поизвивался, покуражился да и выполз наружу, не обмолвившись ни словом. Бывают же такие зазнайки!

— Терпеть не могу червяков! — признался Же-Ня. — Сколькие! Противные! Как их только в руки берут?!

Но договорить он не успел. На крыльце появилась жена пасечника и громко позвала:

— Же-ня!!! Быстро домой! Сколько можно сидеть возле этих ульев?!

Мальчик испуганно оглянулся на крыльцо, быстро сдул Жу-Зи с ладони и поспешил на требовательный зов.

3

Же-Ня не появлялся на пасеке несколько дней. За это время в улье произошло столько событий! Во-первых, через леток в улей как-то умудрился залезть маленький мышонок. Конечно, это был случай из ряда вон выходящий. По словам Жу-Жу, мыши начинают тянуться к жилью и атаковать ульи ближе к осени. Что взбрело в голову этому глупому мышинному детенышу? Сторожевые пчелы тут же вон-

зили в мышонка десяток жал, превратив его в безжизненный комочек, и принялись бальзамировать его мёртвое тельце прополисом. Выкинуть мышонка из улья им было не по силам. Не потому, что они, пчёлы, такие слабые. Совсем нет! По шероховатой поверхности каждая из пчел способна тащить груз, в триста раз превышающий вес собственного тела. Окажись мышонок на крыше домика, сторожевые пчелы мигом бы спихнули его вниз. Но в тесноте улья не развернешься. Единственное, что смогли сделать пчелы, это оттащить мертвого мышонка в свободный угол домика. Жу-Зи смотрела на мышонка с некоторым сожалением. Он был мягким и пушистым и чем-то напоминал огромную ивовую сережку. Через некоторое время он превратится в серый камень. И будет находиться в углу улья до тех пор, пока пасечник не станет доставать рамки с мёдом. И хоть мышонок было жаль, но обсуждать действия сторожей нельзя. Им виднее. В каждой семье, будь то пчелиная, звериная, человеческая, свои традиции и законы, у каждого члена семьи свои обязанности. И тотчас вспомнился рассказ Же-Ни.

— У нас в семье тоже у каждого свои обязанности, — как-то поделился он. — У Валерки — топить печи и ловить рыбу. У Ксюши — доить корову и прибирать в доме. Я — поливаю водой из шланга огород и присматриваю за пчёлами. Правда, Валерка и Ксюша на меня сердятся. Говорят, что мои обязанности самые лёгкие и интересные. А папа объясняет это тем, что я самый младший. И что у меня всякая трудная работа ещё впереди.

Лицо у мальчика при этом сделалось таким грустным, что Жу-Зи стало не по себе. Почему хозяйка не может любить всех детёнышей семьи одинаково, как любит пчёл их matka Жу-Жу?

4

А однажды её маленький друг спас пчёл от клещей. Откуда те появились на пасеке, какая из пчел занесла их в улей, кто знает. Но нашествие этих кровопийц стало настоящим бедствием. Клещи присасывались так крепко, что даже в полете удерживались на теле и причиняли много страданий. И неизвестно, чем бы все это кончилось, если бы не Же-Ня. Опустившись к нему на руку, Жу-Зи еле-еле передвигала лапками, бес-

сильно волоча за собой крылышки. Мальчик долго с тревогой наблюдал за ней, не понимая, в чём дело, пока, наконец, не догадался достать из кармана увеличительное стекло.

— Жу-Зи!!! Милая моя! — воскликнул он. — Вот твари! Откуда они взялись?! Потерпи немного! Сейчас я позову папу. Он знает, что с ними делать.

И со всех ног бросился искать отца. Хозяин вставил между рамок тонкие деревянные пластины, пропитанные каким-то пахучим раствором. Парализованные клещи один за другим попадали на дно улья и прилипли к пленке, смазанной чем-то пахучим и вязким. Масляная плёнка с прилипшими к ней клещами была быстро удалена из улья. И пчелы возликовали, распевая гимн своему освобождению. Над лугом разлилось их многоголосое «Жу-у-у-у! Зи-и-и-и!». А Жу-Зи гордо восседала на плече друга. И даже злюка За-За не посмела произнести в её адрес ни слова упрёка.

А на другой день случилось вот что. Жу-Зи, как всегда, присела на ладонь друга. А он вдруг расхохотался, да так громко, что пчелы в соседнем улье грозно загудели. Сначала Жу-Зи обиделась, не понимая причину столь оскорбительного отношения, но, увидав в лупе свое отражение, тонко и звонко заверещала: «Зи-зи-зи!» Она вся была в каком-то белом порошке. И сразу вспомнила, что рано утром хозяин пришел на пасеку с бумажным пакетом в руках. И стал обсыпать белым порошком всех вылетающих из улья пчел. Из уса в ус и до неё дошла весть, что на пасеке появились пчелы-воровки. И мукой пасечник метил их для того, чтобы выяснить, какая же семья ворует. Чудак! Воровок ведь легко определить по полету. Честная пчела, вылетая за нектаром, вылетает из летка свободно, не спеша, поднимается в воздух легко и устремленно. Пчелы-воровки, отлетев от улья, сразу опускаются вниз, чтобы потом, осмотревшись, развернуться и попытаться проникнуть в чужой улей. Вставая на этот нечестный путь, они стремятся залезть в соседний домик не через леток, а через щели в его корпусе или днище.

Когда Жу-Зи рассказала про воровок Же-Не, он наморщил брови.

— Знаешь, папа говорит, что раньше вору отрубали руку. Если он продолжал воровать, отрубали и вторую. Может быть, это и жестоко, но

как иначе с этим бороться? Папа говорит, что пчёл-воровок нужно истреблять. Дурной пример заразителен.

Но воровки-пчелы — это ещё полбеды. Страшнее, когда на улей нападают воровки-осы. Они больше и сильнее пчёл. Да и наглости им не занимать. Много сторожевых пчел гибло в жестокой схватке с дикими нравом осами. Застывшие тельца бесстрашных сторожей долго валялись на земле под прилетной доской. И это, по рассказам Жу-Жу, представляло собой ужасное зрелище.

Чтобы уберечь пчёл от воровок-ос, хозяин с сыном ставили у каждого улья бутылки со сладкой пахучей жидкостью. Запах сладкого брожения прельщал разгульных ос, и они, заползая за бесплатным угощением, тонули в липком сиропе.

Осы осами, но на пасеке вдруг объявились шершни. И это были лишь первые разведчики. Весть о шершне встревожила матку не на шутку. Шершни поедали не мёд, а молодой расплод. Их нашествие грозило разорением улья. И тут уж не помог бы никакой сироп.

Первым заметил шершня Же-Ня и ринулся в бой с мохнатым чудовищем, отгоняя его от летка. Жу-Зи с замершим сердцем следила за этим поединком. Она знала, что яд шершня подобен змеиному. Малыш пытался затоптать злыдня тапком. А шершень норovil ужалить мальчика в ногу. Жу-Зи вся затряслась от страха. Предчувствие беды не обмануло. Раздался пронзительный крик. Шершню удалось ужалить малыша. Он плакал так громко и так истошно, что все ульи разом встревоженно загудели. Вместо того чтобы лететь за нектаром, Жу-Зи полетела вслед за плачущим другом. Ей так хотелось ему чем-нибудь помочь. Но выбежавший ему навстречу из дома хозяин сердито отмахнулся от нее.

Мальчик не приходил на пасеку несколько дней. А потом зарядил нудный дождь. И невозможно было высунуть из улья даже уса. Соседки по сотам беззаботно болтали о чем-то, согревая своим теплом личинки. И только Жу-Зи молчала. Все мысли ее были о Же-Не. Где он? Жив ли? Неужели он больше никогда не придёт на пасеку? Вспоминались задорные искорки в его голубых глазах. И вкусный запах пухлых губ. И мягкая открытая рука...

Жу-Зи кругами летала вокруг дома пасечника и даже присаживалась на подоконник их жилища,

пытаясь что-нибудь разглядеть через толстое оконное стекло. Но мальчика не было видно. Тогда она подлетела к старому сараю, возле которого стоял пасечник. И поняла его тревогу. Под крышей ветхого строения и находилось гнездо шершней. По решительному взгляду хозяина Жу-Зи поняла, что скоро мохнатым чудовищам придёт конец. Она облегчённо вздохнула. Солнышко клонилось к горизонту. Нужно было спешить в улей.

5

А потом в пчелиной семье началось такое, что думать о друге уже не было никакой возможности. В улье стало так тесно, что пчелы принялись срочно готовиться к роению. Как только первый кокон будущей матки был запечатан, рой пчел вылетел из улья искать себе другое жилище. Лентами вылетали они из летка и кружили в воздухе над ульем темной подвижной тучей, ожидая вылет Жу-Жу. Поддава-

ясь какому-то непонятному ей самой инстинкту, Жу-Зи тоже металась в гуще суматошного роя, пока, наконец, к ним не присоединилась Жу-Жу. На глазах рой превратился в лохматую шапку, которая осела на нижний сук старой липы. И только Жу-Зи никак не находила себе в нем места. Покрутившись в воздухе некоторое время, она вернулась в старый улей. Ей так не хотелось улетать с пасеки, не простившись с мальчиком. Сидя на передней стенке улья над запасным летком, она видела, как на крыльцо большого людского жилища выбежал пасечник. В руках у хозяина были ящик с сеткой, метла и ведро с водой. Пасечник обрызгал рой метлой, и пчелы разом присмирели. Брызги с метлы напоминали капли дождя. А это меняло дело. Кто отважится на перелет в такую непогоду? В это время хозяин разжег дымарь, подготовил ящик-ловушку и подставил ее под сук с привившимися к нему пчелами. Резким движением он потрянул сук, и рой вместе с маткой мягко опустился в ящик. Куда унес хозяин этот ящик, для Жу-Зи оставалось загадкой.

Взбунтовавшийся было рой появился на пасеке только на другой день. Что сделал с пчелами пасечник, Жу-Зи понятия не имела. Однако беглянки вели себя теперь тише воды и ниже травы. А пасечник принес новый домик и переселил туда пчел. Так появилась еще одна маленькая семья.

А в их старом улье начались беспорядки. На улице царило жаркое лето, цветы исходили на нектар, а пчелиная семья без матки работала плохо. И даже на трудолюбивую Жу-Зи напала лень. Но вот крышка их улья поднялась, поползли в сторону теплые подушки, которыми заботливо обкладывал стенки улья хозяин. Запахло дымом. Пасечник стал вырезать из сот гнёздышки с куколками, из которых могли появиться новорожденные матки. У Жу-Зи от страха задрожали крылышки. Он что, сошел с ума?! Что будет с ними теперь? В улье поднялся такой рёв, какого ещё не было слышно на пасеке. И тут Жу-Зи увидела сетчатую клеточку, которую хозяин осторожно поместил между рамками. В ней сидела матка. Но запах новой хозяйки сильно отличался от запаха семьи. И разозленные пчелы принялись атаковать клеточку. Цепляясь за ее тонкие проволочки, они все пытались добраться до незваной гостьи и вонзить в ее брюшко жало. В борьбе прошла целая ночь. А наутро случилось и вовсе что-то невообразимое!.. Пасечник снова открыл улей и стал вынимать из него рамки, вытряхивая пчел на деревянный щит перед домиком. Это было так неожиданно и так не похоже на доброго хозяина, что пчелы долго не могли прийти в себя от шока. А он еще взял да и опрыскал всех раствором мяты. Недовольные и мокрые, они поползли по фанерному трапику к летку. Впереди Жу-Зи ползла к летку и новая матка с красным пятнышком на спине. От всех теперь одинаково пахло мятой. И Жу-Зи, и другим пчелам теперь было совершенно все равно, какая у них будет матка. Лишь бы она была! Ей предстояло жить много зим и много лет. И даже осенним пчелам повезет больше. Они доживут до следующего лета, пережив зиму в теплом и уютном улье, а вот они, весенние...

И тут же отогнала дурные мысли прочь. Все-му своё время. Чтобы жить в радости, нужно думать о хорошем. И Жу-Зи стала вспоминать своего друга.

Вот он держит её на ладони, ласкает лучистым взглядом! Вот — что-то шепчет улыбочивыми губами! Вот легонько дует на неё: «Лети, попей водички!» Вот тревожно разглядывает в лупу клещей, впившихся в подкрылья. Вот раскачивает её на цветке колокольчика...

6

Прошёл месяц. Стоял самый разгар лета. Поля прельщали разнотравьем. И голова шла кругом от сладких запахов медоносных цветов. Щедрое солнце заливало всё вокруг долгожданным теплом. Молодняк набирал силу. Едва на листьях травы просыхала утренняя роса, стремительные разведчицы вылетали из ульев на поиски свежих угодий. Жу-Зи тоже вылетала из улья, но тут же опускалась на низкий цветок клевера и с тоской осматривала свои крылышки. Крылышки изрядно поизносились, излохматились. Жу-Зи не могла больше носить нектар, она с трудом удерживала в воздухе саму себя. Все чаще ей хотелось присесть на какой-нибудь листок поближе к земле и подремать. В один из таких моментов ей приснилось, будто она не пчела, а птица: большая, с белыми крыльями и красивой длинной шеей. Вот она легко плывёт по озеру, отпихивая от себя воду перепончатыми лапами. Плывёт и любуется своим отражением в прозрачной воде. А на берегу, у высоких камышей, стоит юноша и бросает в её сторону кусочки хлеба. Она узнаёт его. Это Же-Ня! От восторга она поднимается над водой и машет крыльями. Машет с такой силой, что вокруг неё образуется столб радужных брызг.

Жу-Зи очнулась. Мысли о мальчике заставили ее двигаться. Её не покидало предчувствие, что сегодня он, как обычно, придёт на пасеку, сядет на траву и вытянет вперед руку в надежде, что Жу-Зи доверчиво опустится к нему на ладонь. Собрав последние силы, Жу-Зи перелетела на тонкий стебелёк одинокого колокольчика, с которого была хорошо видна калитка. Вот щёлкнула щеколда замка и в проёме появилась жёлтая майка её друга. Когда-то цепкие ножки Жу-Зи потеряли силу и теперь заметно дрожали. Мальчик не узнал её. Он присел на траву, вытянул вперед руку и тихонько позвал:

— Жу-Зи! Где ты?! Лети ко мне!

Жу-Зи радостно напряглась и уже хотела было оторвать все свои шесть лапок от цветка и ринуться на приветливый зов друга, но грустные думы остановили её. Нельзя показываться на глаза другу в таком жалком виде. Он расстроится, на глаза навернутся слёзы. И это понятно. С кем ему дружить? С кем общаться? Отец всё время занят работой. У хозяйки в глазах не видно любви. Ни разу не прошептала ему на ушко ласкового слова, ни разу не прижала к себе, нежно и по-доброму. Нет! Нужно было срочно что-то придумать! И в голове созрел мудрый план. Она окликнула пролетающую мимо с нектаром молодую пчелу, в двух словах рассказала ей о своем друге и попросила сесть малышу на ладонь, заверив, что он не причинит ей вреда.

Мальчик обрадовался молодой пчеле как старой знакомой. Он не заметил перемен и совсем забыл про увеличительное стеклышко, которое лежало у него в кармане. А Жу-Зи всё сидела на шатком стебле колокольчика и издали с какой-то грустью наблюдала за ними. Вот пухлые губы мальчика зашевелились. Он принялся что-то рассказывать своей подружке. Сильный порыв ветра сдул Жу-Зи с цветка на траву. Она долго лежала на траве кверху лапками. Потом, собрав последние силы, перевернулась, завибрировала крылышками и улетела подальше от пасеки, как во все времена делали старые или больные пчелы.

Вот раздался шелест крыл. Над ней закружилась какая-то птица. Жу-Зи не раз видела, как в твердых, безжалостных птичьих клювах навсегда исчезали ее сородичи. Она опустилась на былинку, замерла и прислушалась. Над лугом разливалась знакомая мелодия: «Жу-у-у! Зи-и-и!» Это был гимн лету, теплу и такой короткой пчелиной жизни. Хорошо бы вновь родиться той белой птицей, какой видела себя во сне! И чтобы мальчик непременно узнал её!

Вот тень птичьих крыльев застила солнце, и мир свернулся в маленькую точку, чтобы раскрыться во всем своем великолепии в каком-нибудь новом озарении.

*При оформлении
публикации использованы
рисунки московской художницы
Валерии Куликовой*

Надежда Борисовна ВАСИЛЬЕВА.

Автор девяти книг прозы:

*«Живой души потемки» (1992 г.), «Судите сами» (1998 г.),
«Под созвездием Кассиопеи» (2004 г.), «Етишкина жизнь!...» (2006 г.),
«По прозвищу Гуманойд...» (2007 г.), «Про Стасика, Дашу и бабушку Маишу» (2007 г.),
«Ральф в гостях у Кристи» (2008 г.), «Сказ об эльфийской принцессе» (2010 г.),
«Жили-были...» (2011 г.).*

Лауреат премии главы правительства Республики Карелия «Сампо» (2007 г.).

*Председатель Карельского республиканского
представительства Союза российских писателей,
член Международного совета литературного центра
стран Баренц-региона (Швеция) и эксперт по вопросам культуры
Ассоциации «Совет муниципальных образований Республики Карелия».*

